

возможные способы направить некоторые политические эмоции на новые объекты.

Не обладая никаким авторитетом в области политических наук, мы предоставляем читателям полную свободу опровергнуть нашу гипотезу и предложить свои, более обоснованные.

2.

Стоит поблагодарить сторонников Дональда Трампа за то, что они поспособствовали обнажению очерченных выше проблем, подтолкнув своего лидера к объявлению 1 июня 2017 г. о выходе США из Парижского соглашения по климату.

Трампу удалось то, что было не под силу миллионам экологических активистов, сотням промышленников и даже папе Франциску⁴: благодаря ему ни для кого теперь не секрет, что все геополитические устремления определяются климатическим вопросом, который неразрывно связан с вопросами несправедливости и неравенства⁵.

Выйдя из Парижского соглашения, Трамп наконец открыто объявил если не новую мировую

войну, то во всяком случае войну за определение театра военных действий: «Мы, американцы, не являемся жителями общей с вами земли. Ваша земля может быть под угрозой, но наша – нет!»

Так выявляются политические (а значит, вскоре – военные) и жизненные следствия декларации, еще в 1992 г. прозвучавшей в Рио-де-Жанейро из уст Джорджа Буша-старшего: “Our way of life is not negotiable!”* Во всяком случае, теперь очевидно: у людей, населяющих территорию, которую до сих пор называли Западом, больше нет идеала общего мира.

Об этом свидетельствуют четыре исторических события. Первое из них – Брексит. Та самая страна, которая изобрела ничем не ограниченное ни на суше, ни на море пространство рынка, а в недавнем прошлом неумоимо подталкивала Европейский Союз к превращению в огромную торговую площадку, теперь, столкнувшись с необходимостью принять несколько десятков тысяч

* Наш образ жизни не является предметом переговоров! (англ.). – Здесь и далее примечания, отмеченные звездочкой, принадлежат переводчику.

беженцев, внезапно решила выйти из игры в глобализацию. Обратив взор к давно исчезнувшей империи, она пытается обособиться от Европы (ценой трудностей, которые чем дальше, тем больше кажутся неразрешимыми).

Вторым историческим событием в этом ряду стало избрание Трампа. На сей раз та самая страна, которая навязала миру – и как беспощадно! – свою, очень специфическую, модель глобализации, а некогда возникла в результате массовой эмиграции, уничтожившей ее коренное население, теперь доверила свою судьбу человеку, обещающему превратить ее в крепость, куда будет запрещен въезд беженцам, и больше не приходиться на помощь никому за пределами своего клочка земли, продолжая в то же время беспардонно вмешиваться тут и там в чужие дела.

Эта новоявленная забота о границах со стороны тех, кто проповедовал их систематическое стирание, сама по себе наводит на мысль о конце поднятого было на щит представления о глобализации. Две из величайших стран бывшего «свободного мира» говорят другим: «Отныне наша история не имеет ничего общего с вашей. Идите к черту!»

Третье важное для нас историческое событие — это возобновление, расширение и усиление миграционных потоков. В тот самый момент, когда все страны сталкиваются с многочисленными угрозами глобализации, многим из них приходится организовывать прием на своей клочке земли миллионов людей — поговаривают о десятках миллионов!⁶ — которых совокупное воздействие войн, экономических неурядиц и коренных изменений климата толкнуло на поиск территории, пригодной для жизни их самих и их детей.

Скажут, что эта проблема стара? Нет, ведь три описанных выше феномена суть лишь разные стороны одной метаморфозы: *само представление о земле радикально меняется*. Та земля, что рисовалась в перспективе глобализации, исчезает. В этом заключается новизна явления, которое стыдливо называют «миграционным кризисом».

Все мы чувствуем, что земля уходит у нас из-под ног, и это углубляет наше смятение. Мы осознаем, пусть в той или иной степени смутно, что сами находимся в процессе миграции к территориям, которые нам предстоит заново открыть и обжить.

Причина тому – четвертое историческое событие, наиболее важное и наименее обсуждаемое. Оно произошло 12 декабря 2015 г. в Париже, в день принятия Соглашения о противодействии климатическим изменениям на заключительном заседании Парижской конференции по климату COP21.

Истинное значение этого события определяется не тем, о чем договорились делегаты, и даже не претворением их договоренностей в жизнь (негационисты* сделают всё, чтобы ему помешать). Это событие важно потому, что все подписавшие конвенцию страны, аплодируя достигнутому соглашению, которое казалось невероятным, в тот же самый момент с ужасом поняли, что если бы они решительно двинулись к осуществлению запланированных каждой из них модернизационных проектов, то обнаружили бы отсутствие совместимой с этими проектами

* Негационизм – здесь: отрицание коренных изменений климата, идущих в настоящее время. Также нередко именуется экологическим скептицизмом.

планеты⁷. Им потребовалось бы несколько планет, но у них есть только одна.

А если нет планеты, земли, почвы, территории, где мог бы расположиться Глобус глобализации, к которому устремлены все страны, значит, никому, ни одному человеку не дано отныне места, где он мог бы с уверенностью чувствовать себя «дома».

Каждый из нас, таким образом, оказывается перед вопросом: «Продолжаем ли мы питать иллюзию бегства или уже находимся на пути поиска обитаемой территории для нас и для наших детей?»

Одно из двух: либо мы отрицаем само наличие проблемы, либо *пытаемся приземлиться*. Вот главное, что сегодня нас разделяет — куда резче, чем принадлежность к правому или левому флангу.

Причем это относится как к *прежним жителям* богатых стран, так и к их *будущим жителям*. К первым — потому что они понимают: планеты, подходящей для глобализации, нет, а значит, им придется всесторонне изменить свой образ жизни. Ко вторым — потому что им придется оставить

свою прежнюю, опустошенную землю и тоже научиться жить совершенно не так, как раньше.

Иными словами, миграционный кризис стал всеобщим.

К мигрантам *извне*, пересекающим границы вследствие жутких трагедий, которые заставили их покинуть свою родину, теперь нужно добавить мигрантов *изнутри*, остающихся на своих местах, но с болью осознающих, что *родина покидает их сама*. Осмыслить миграционный кризис так трудно именно потому, что он является симптомом — более или менее вопиющим — опыта, общего для всех: осознания того, что мы *потеряли землю*.

С учетом этого опыта можно понять относительное безразличие к тяжести ситуации — тот факт, что мы все оказываемся квиетистами по отношению к климату, надеясь, что «всё устроится само собой», и ничего не делая. Невозможно уклониться от вопроса о том, какое воздействие оказывают на наше душевное состояние ежедневно получаемые новости о состоянии планеты. Не представляя себе, как ответить на них, можем ли мы не почувствовать себя опустошенными?

Это тревожное чувство, одновременно индивидуальное и коллективное, придает избранию Трампа всё его значение: в противном случае мы имели бы дело не более чем со сценарием для дешевого телесериала.

США могли выбрать одно из двух решений: осознав масштаб климатических изменений и степень своей ответственности за них, стать наконец реалистами и отвести «свободный мир» от края пропасти или — откреститься от всего. Те, кто скрываются за спиной Трампа, решили еще несколько лет потешить Америку иллюзиями, чтобы отсрочить необходимое приземление, толкнув другие страны в пропасть — возможно, безвозвратно.

3.

До сих пор вопрос, где приземлиться, не ставился в отношении народов, вознамерившихся «модернизировать» планету. Он ставился — до какой же степени опрометчиво! — лишь в отношении тех народов, которые на протяжении последних четырех веков были объектами влияния